



О.В. РЯБОВ, Т.Б. РЯБОВА

## «РОССИЯ ПОДНИМАЕТСЯ С КОЛЕН»? РЕМАСКУЛИНИЗАЦИЯ И НОВАЯ РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ



*Мы проявили слабость, а слабых бьют.  
В. Путин (см. прим. 1)*

*В статье анализируется роль гендерного дискурса в изменениях национальной идентичности России в период с 2000 г., обозначаемых авторами как «ремаскулинизация». Этот процесс включает в себя как создание привлекательных канонов национальной мужественности и женственности, так и феминизацию Чужих.*

*The article examines the gender discourse impact on changing of the Russian national identity since 2000. This process is marked as remasculinization. It concludes both construction the national standards of masculinity and femininity and feminization of the Other.*

*Ключевые слова: национальная идентичность, гендер, ремаскулинизация, демаскулинизация, феминизация, чужой.*

*Key words: national identity, gender, remasculinization, demasculinization, feminization, the Other.*

«Россия может подняться с колен и как следует огреть», — заявил премьер-министр В. Путин в нелегкие для страны сентябрьские дни 1999 г. (прим. 2). Изменения, происходящие в России в период президентства В. Путина — в первую очередь, трансформация ценностно-нормативной системы, проявившаяся и в изменениях российской идентичности, — могут быть объяснены самыми различными факторами; одним из таких факторов является гендерный. В гендерном измерении этот период может быть обозначен как «ремаскулинизация России».

Феномен ремаскулинизации подробно исследован на материале коллективной идентичности американцев периода президентства Р. Рейгана. Потребность в изменении стандарта гегемонной маскулинности возникла в США как реакция на поражение во Вьетнамской войне, а также на изменения в гендерном порядке американ-

**Рябов Олег Вячеславович** — доктор философских наук, профессор кафедры философии Ивановского государственного университета (Иваново);

**Рябова Татьяна Борисовна** — кандидат исторических наук, доцент кафедры общей социологии и феминологии Ивановского государственного университета (Иваново).

ского общества (включая ослабление традиционной роли мужчины в семье и обществе и рост влияния феминизма) [18; 22, 38]. В наиболее очевидной форме мечта о сильном и независимом мужчине, который преодолевает все опасности, побеждая и собственных противников, и врагов своей страны, нашла выражение в кинематографе (в первую очередь в популярном фильме о Рембо). Заметим, что подобные образы и идеи оказались востребованными и в политическом дискурсе США, например в президентских кампаниях последних лет [28; 22; 8].

Цель нашей статьи заключается в анализе роли гендерного дискурса в новой российской идентичности. Как образы Своих и Чужих, включая Запад и страны постсоветского пространства, представлены в гендерном дискурсе современной России? Как, в свою очередь, дискурс национализма влияет на определение канонов мужественности и женственности?

Но прежде остановимся на ключевых методологических положениях. Гендер как система отношений между полами и внутри полов – это важнейшая часть социального порядка. Вместе с тем гендерный дискурс принимает участие в создании картины мира в целом и организации социальных отношений между другими социальными группами (нациями, классами, культурами), а также между человечеством и природой. Переплетаясь с другими видами дискурса, он испытывает их влияние и, в свою очередь, определяет их [17, 228]. Что позволяет рассматривать гендер за пределами собственно отношений полов?

Самой общей причиной является способность гендерного дискурса выполнять функции маркера, механизма включения/исключения, конструирующего символические границы между сообществами. Ф. Барт показал, что социальные границы между сообществами создаются при помощи этнических маркеров или диакритиков – элементов культуры, отбираемых (иногда достаточно произвольно) самими членами группы для подчеркивания своих отличий от окружающих (например, одежда, язык, стиль жизни) [14, 14]. Н. Ювал-Дэвис, опираясь на идеи Ф. Барта, предложила интерпретировать гендерные символы в качестве «пограничников», которые, наряду с другими маркерами, идентифицируют людей в качестве членов или же нечленов определенного сообщества [29, 23].

Реляционная парадигма идентичности, на которую рассмотренные идеи Ф. Барта оказали большое влияние, постулирует понимание коллективной идентичности как, в первую очередь, отношения между Своими и Чужими [19]. Процесс создания, поддержания и корректировки социального порядка предполагает продуцирование иерархий и асимметрий внутри социума: одни модели поведения признаются эталонными, другие же подвергаются маргинализации или вовсе выносятся за границы Своего. Эталон определяется различными нормами; важное место среди них занимают нормы гендерные.

Гендерные идентификаторы не только помогают определить Своих и Чужих, но и вырабатывают систему оценок и предпочтений. Гендерный порядок Своих, как правило, репрезентируется в качестве нормы, в то время как гендерный порядок Чужих – в качестве девиации (Свои мужчины – самые мужественные, Свои женщины – самые женственные и так далее). То есть, при помощи гендерного дискурса утверждаются и подтверждаются отношения неравенства и контроля; он, следовательно, может быть рассмотрен – воспользуемся терминологией П. Бурдьё – в качестве формы «символического насилия» [15, 103].

Другим механизмом производства границ и иерархий является гендерная метафоризация. Иерархия мужественности и женственности как ценностей оказывает влияние на иерархию социальных субъектов, маркировка которых как женственных или как мужественных влечет за собой атрибутирование им соответствующих качеств и соответствующего места в социальной иерархии. Поскольку гендерная метафоризация принимает участие в формировании социальных иерархий, постольку допустимо выделять такую функцию гендерной метафоризации, как установление и поддержание властных отношений. Трактовка фемининного в качестве девиантного, нуждающегося в контроле, определяет основную — хотя и не единственную — форму гендерной метафоризации: маскулинизацию Своих и феминизацию Чужих.

Для понимания нынешних процессов российской идентичности в ее гендерном измерении необходимо принимать во внимание роль гендерного дискурса в перестроечных процессах. Деконструкция советского строя предполагала и деконструкцию его гендерного порядка. Преобразования репрезентировались в качестве возвращения к естественному порядку вещей после некоей болезни, будь то в социальной жизни в целом или в гендерных отношениях [27, 250-255] (см. прим. 3).

В целом перестроечный дискурс можно рассматривать как своеобразный протест против пресловутого «вечно-бабьего в русской душе», как отрицание фемининных ценностей (или точнее, тех, которые маркировались как не-мужские). Свидетельством «противоестественности» социализма называли то, что он искажает должные отношения между полами, порождая в мужчине инфантильность; основу же маскулинности видели в частной собственности и сопутствующих ей независимости, ответственности, самостоятельности [27, 250-255].

Следует особо подчеркнуть, что, наряду с маскулинностью советской, объектом критики стала и русская. Причины того, что «обменный курс русского мужчины на мировом рынке не превышает курса рубля по отношению к доллару» [21, 284], искали не только в социалистическом общественном устройстве, но и в русской культуре как таковой. Русского мужчину начинают обвинять во всех грехах: и куртуазности ему не достает [3, 71]; и предпочитает он белую магию водки черной магии женщины [2, 34], и развивает лишь материнскую сторону в русской женщине [2, 267] (см. прим. 4).

В какой степени эта ремаскулинизация постперестроечной России была осуществлена? С одной стороны, независимость, самостоятельность, ответственность для многих соотечественников стали неперемненными атрибутами маскулинности. С другой, если брать уровень коллективной идентичности, то, на наш взгляд, следует говорить, скорее, о демаскулинизации России в перестроечный и постперестроечный периоды. Значительное снижение жизненного уровня подавляющего большинства наших соотечественников, распад СССР, поражение в Холодной войне — все это имело мало общего с традиционными атрибутами маскулинности. На международной арене, несмотря на культ «крутой» маскулинности и образы «свирепой русской мафии», перестройка также сопровождалась, скорее, феминизацией России (см. прим. 5). Неким воплощением женственной России-Матушки становится и ее первый президент: пресловутые ельцинские «загогулины» воспринимались как свидетельство немужественности, фемининности новой России — ее хаотичности, таинственности, порой истеричности и опасности. Слабость России и отказ стран Запада считаться с ее интересами проявляется, например, в образе России как отвергнутой любовницы, готовой отомстить (см. прим. 6). Фактическая изоляция страны в Европе, дискурсивное вы-

теснение ее из сообщества «цивилизованных стран» отражены в карикатуре М. Златковского: Россия представлена в виде женщины, одиноко стоящей на коленях в углу, что является причиной несказанной радости ее бывших союзников из числа стран Восточной Европы (изображенных, подчеркнем, в образе мужчин) (см. прим. 7).

Важным фактором демаскулинизации России как в самой стране, так и за ее пределами, стало поражение российской армии в ходе военного конфликта в Чечне в 1994–1996 гг. Так, в одной из российских газет появляется карикатура, на которой вооруженный чеченец говорит женщине в древнерусском одеянии: «Нэ плачь, Яро-славна» (см. прим. 8).

Сексуальный трафик – еще один фактор демаскулинизации России в коллективной идентичности. Более того – сама Россия в период девяностых нередко репрезентировалась в образе не матери, а, скорее, публичной женщины [6].

Неспособность власти защитить русских женщин от сексуальной угрозы – равно как и Россию-Матушку в целом – играет роль аргумента в политической борьбе; «демократы всех женщин сделали проститутками», – так отвечает на вопрос «Кто виноват?» лидер ЛДПР [8]. Образы страдающей России и изнасилованных женщин служили тем фоном, на котором происходила апелляция к гендерной идентичности русских мужчин; приведем характерный пример такого рода мобилизационных призывов: Русские мужики прекрасно знают, но безвольно и благодушно молчат о том, что страна превращена в огромный бордель, что растлеваются почти поголовно будущие матери, невесты, почти все молодые женщины... Кто заставляет себя не видеть многотысячные потоки русских секс-рабынь за границу, где наших красных девок делают подстилками хрюкающих европейцев, израильтян, турок, китайцев? Пока их жены будут рожать и спокойно растить детей, наши бабы станут потеть и превращаться в старых шлюх под похотливыми чужими телами [1, 113].

Характерно, что накануне дня президентских выборов 1996 г. известный оппозиционный политик С. Говорухин свое выступление, направленное против переизбрания Б. Ельцина, завершил призывом «Будьте мужчинами!».

В маргинальных политических дискурсах ремаскулинизация, отрицание «вечно-бабьего», происходило более радикально. Прежде всего, критике подвергались «зловредные мифы о “русской женственности”» [12]. Среди приемов семиотической перекодировки русскости – идеи «нордических», арийских основ русской цивилизации, отрицание в ней азиатского компонента, культ военного прошлого и таких качеств, как воля, сила, дух [13; 5, 23]; с тропами же мессианского дискурса ведется активная полемика (см. прим. 9). Идеолог одной из националистических партий призывает «прикончить в себе “славянщину” киселеобразной мечтательности, лени, женственности и “включить” нордический духовный вектор – вектор действия, экспансии, преодоления косной материи, вектор огненного формосозидания, воли к форме» [23, 446]. Другой его призыв: «Так убей же в себе «бабу», непричастный, и встань под крестonosное знамя Русизма – в ряды отборных. Услышь голос Русской Крови и выбери путь мужчины – путь воина...» [12].

Национал-большевики обращаются в поисках гендерного идеала к иному историческому опыту. «Изгнать из народа бабское раболепие и долготерпение» призывает автор одной из статей в «Лимонке», которая заканчивается призывами: «Да здравствует сверх-металлический СССР! Да здравствует беспощадный Троицкий! Да здравствует Революция!» (см. прим. 10).

Период президентства В. Путина примечателен тем, что теперь и в официальном дискурсе русский мужчина представлен в образе воина, защищающего свою страну и своих женщин. Уже в сентябре 1999 г., в одном из выступлений В. Путина, посвященном возобновлению военных действий на Северном Кавказе, упоминаются случаи изнасилования русских женщин и содержится призыв защитить их честь и жизнь (см. прим. 11). Заслуживает внимания и выступление президента после теракта в Беслане в сентябре 2004 г., в котором он заявляет: «Мы проявили слабость. А слабых бьют». Следует заметить, что официальный дискурс теперь очень активно использует образы и метафоры, характерные для риторики народно-патриотической оппозиции периода девяностых.

Другим важнейшим измерением создания новой российской идентичности при помощи гендерного дискурса становится утверждение собственной маскулинности за счет феминизации Чужих (см. прим. 12). В работе Т. Суспицыной анализируется феминизация Америки в дискурсе народно-патриотической оппозиции; в частности, автор показывает, как в одной из статей А. Проханова американская нация символически приравнивается к М. Левински, а тело Америки рассматривается как доступное не только Б. Клинтону, но и другим мужчинам и государствам [26].

Еще одним Чужим, феминизация которого становится составной частью ремаскулинизации Своих, является Украина (особенно после «оранжевой революции»). Так, в дискурсе событий, связанных с повышением цены на газ в январе 2006 г., бывшая союзная республика предстает в образах корыстолюбивой содержанки, «ветреной украинской любовницы» (см. прим. 13). «Джентльмен всегда платит за подружку» — такой плакат держали митингующие в эти дни у американского посольства в Москве, призывая США заплатить России долги Украины.

Показательной для новой гендерной идентичности является и рецепция феминизма в России. И. Савкина, анализируя тексты российских авторов, в которых феминизм репрезентируется в качестве западного изобретения, обращает внимание на то, что России приписываются черты мужские и западные, в то время как Запад свою мужественность и западность уже утратил. В этих текстах постмодернизм рассматривается как знак вырождения Запада, радикального разрыва им с ценностями Модерности; Россия же представлена в качестве хранительницы этих ценностей. «Она больше Запад, чем Запад, и именно ей приписываются маскулинные категории: “вертикальность”, рационалистичность, здравый смысл, логичность и т.п.». Запад в своих современных философских и идеологических новациях, в частности, в феминизме — носитель неструктурированного, архаического, ювенильного начала [25, 470–471]. Заметим, что обвинения западной цивилизации в декадансе и изнеженности являются важным компонентом дискурса анти-западнизма [16]. Феминизм при этом часто репрезентируется как «все не наше», как явление, противоречащее универсальным ценностям русской культуры. Борьба с феминизмом репрезентируется как борьба за русскость против глобализации (американизации). Феминизм оказывается только одним из имен или псевдонимов Врага России [25, 467–468].

Стремление восстановить национальное достоинство проявляет себя, далее, в создании новых гендерных моделей, в которых также активно используются образы Чужих.

Особого интереса заслуживает утверждение такой модели национальной маскулинности, как образ «Мужика», проанализированный в статье О. Шабуровой. Мужик — это значимая маркировка современной русскости. Автор показывает роль

негативной идентичности в этих процессах: чтобы стать мужчиной, нужно доказать что ты не женщина, не ребенок и не гомосексуалист [11, 534]. Для нашего исследования важно принимать во внимание еще одно «не» – эталон Мужика создается в противовес репрезентациям западной маскулинности, что можно интерпретировать в качестве модуса оппозиции «богатырь – рыцарь» (см. прим. 14) (будь то акцентированный патриотизм Мужика или каноны телесности). При этом власть пытается инкорпорировать мифологему Мужика, создаваемую массовой культурой, в отстраиваемую ей идеологию. Не случайно движение «Единство» (а затем партия «Единая Россия») позиционировало себя одновременно в образах Мужика и Медведя [11, 553–554]. Мы уже отмечали, что власть не просто использует этот тип маскулинности – она принимает активное участие в его производстве, тем самым переформируя электорат под собственные нужды и в гендерном измерении [7].

Подлинная русская мужественность противопоставляется неподлинной, выродившейся. Проблема «порчи» лучших качеств русской маскулинности нередко воспринимается опять-таки через призму антиамериканизма. В статье И. Новиковой анализируются дискуссии вокруг поражения хоккейной сборной России от команды Латвии; важнейшей составляющей этих дискуссий стали обвинения в адрес тех российских хоккеистов, которые играют в НХЛ, в том, что деньги и карьера (американские ценности) заслонили Родину и товарищество – ценности русской мужественности [4] (см. прим. 15).

Заметим, что в силу такой особенности пола, как его референтность, то есть взаимозависимость мужского и женского канон, ремаскулинизация предполагает создание соответствующих образцов фемининности. В определении канон женственности можно наблюдать аналогичные стратегии: национальные Чужие выступают в качестве фона, на котором норма современного гендерного порядка приобретает дополнительную легитимность за счет привлечения символического капитала дискурса о нации. Так, подчеркивается, что именно на Западе женщины развратны и доступны, в то время как Свои женщины чисты и непорочны [26]. В новом идеале женщины акцентируются самобытность, с одной стороны, и патриотизм, с другой. Например, организаторы конкурса «Краса России – 2006», отметили, что на победу может рассчитывать «девушка, соответствующая общепринятым представлениям о женской красоте, обладающая гармоничной фигурой и положительной энергетикой, а также патриотизмом, высокими внутренними качествами и интеллектом». Другая характерная черта этого конкурса, связанная с формированием новой российской идентичности, – отказ от включения в программу этих соревнований дефиле в купальниках, что должно было подчеркивать цивилизационные особенности народов России, их отличия от «безнравственного Запада». Очевидно, в контексте новой демографической политики не стало случайностью и то, что победительница конкурса объявила: ее цель в жизни – родить и воспитать много детей (см. прим. 16).

Таким образом, важной составляющей происходящих в период президентства В. Путина перемен стала ремаскулинизация коллективной идентичности. Восстановление собственной маскулинности, явившееся реакцией на демаскулинизацию, связанную с «периодом национального унижения» девяностых, происходит как за счет феминизации Чужих, так и посредством создания привлекательных канон национальных мужественности и женственности, которые призваны репрезентировать новую гендерных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гапова Е. О гендере, нации и классе в посткоммунизме // Гендерные исследования. 2005. № 13.
2. Гачев Г.Д. Русский Эрос. М., 1993.
3. Корчагина И.Л. Парадоксы души русской женщины. М., 1997.
4. Новикова И. Т./RUS не играет в хоккей, или Как сжечь флаг, когда кончились памятники? // Ушакин С. (ред.) О муже(н)ственности. М., 2002.
5. Рябов О.В. «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М., 2001.
6. Рябов О.В. «Россия-Матушка»: Национализм, гендер и война в России XX века. Stuttgart, 2007 (готовится к изданию).
7. Рябова Т. Мужественность и женственность в политическом дискурсе современного российского общества // Гендерные исследования. 2004. № 11.
8. Рябова Т.Б. Политический дискурс как ресурс «создания гендера» в современной России // Личность. Культура. Общество. 2006. Т. VIII. Вып. 4 (32).
9. Тополь Э. Россия в постели // Тополь Э. Россия в постели; Убийца на экспорт. Ростов-на-Дону, 1995.
10. Уэйр Ф. Что делает Россия против критики Запада // Christian Science Monitor. 2007. 8 марта, <http://www.inosmi.ru/text/translation/233293.html>.
11. Шабурова О. Мужик не суетится, или пиво с характером // Ушакин С. (ред.) О муже(н)ственности. М., 2002.
12. Широнаев А.А. Орден Русь. <http://rusrepublic.ru/nnpr1/stat/shir/ordrus.htm>.
13. Яшин С. Философия русского меча. [www.nationalism.org/rr/a/yashin.htm](http://www.nationalism.org/rr/a/yashin.htm).
14. Barth F. Introduction // Barth F. (ed.) Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organisation of Culture Difference. London; Bergen, 1969.
15. Bourdieu P. Practical Reason: On the Theory of Action. Stanford, 1998.
16. Buruma I., Avishai M. Occidentalism: The West in the Eyes of its Enemies. N.Y., 2004.
17. Cohn C. Wars, Wimps, and Women: Talking Gender and Thinking War // Gendering War Talk. Princeton, 1993.
18. Jeffords S. Hard Bodies: Hollywood Masculinity in the Reagan Era. New Brunswick, 1994.
19. Jenkins R. Social Identity. London; NY, 1996.
20. Hoerschelmann K. «Go East, Young Man...» – Gendered Representations of Identity in Television Dramas about «East Germany» // Stevenson P., Theobald J. (eds.) Relocating Germanness: Discursive Disunity in Unified Germany. N.Y., 2001.
21. Lissyutkina L. Soviet Women at the Crossroads of Perestroika // Funk N., Mueller M. (eds.) Gender Politics and Post-Communism: Reflections from Eastern Europe and the Former Soviet Union. N.Y., 1993.
22. MacKinnon K. Representing Men: Maleness and Masculinity in the Media. London, 2003.
23. Mitrofanova A. Россия и русские: Новая гендерная мифология // Cheaure E., Nohejl R., Napp A. (eds.) Vater Rhein und Mutter Wolga: Diskurse um Nation und Gender in Deutschland und Russland. Würzburg, 2005. (Identitaeten und Alteritaeten. Sbd. 20).
24. Riabova T., Riabov O. 'U nas seksta net': Gender, Identity and Anticomunist Discourse in Russia // State, Politics, and Society: Issues and Problems within Post-Soviet Development. The University of Iowa, 2002.
25. Savkina I. Гендер с русским акцентом // Cheaure E., Nohejl R., Napp A. (eds.) Vater Rhein und Mutter Wolga: Diskurse um Nation und Gender in Deutschland und Russland. Würzburg, 2005. (Identitaeten und Alteritaeten. Sbd. 20).
26. Suspitsina T. The rape of Holy Mother Russia and the hatred of femininity: The representation of women and the use of feminine imagery in the Russian nationalist press // Anthropology of East Europe Review. Vol. 17. № 2. Autumn. 1999. Доступно также: [http://condor.depaul.edu/~rottenbe/aeer/aer17\\_2.html](http://condor.depaul.edu/~rottenbe/aeer/aer17_2.html).
27. Verdery K. From Parent-State to Family Patriarchs: Gender and Nation in Contemporary Eastern Europe // East European Politics and Societies. 8/2. Spring 1994.
28. Wahl-Jorgensen K. Constructing Masculinities in U.S. Presidential Campaigns: The Case of 1992 // Gender, Politics and Communication. N.J., 2000.
29. Yuval-Davis N. Gender and Nation. London, 1997.

Примечания

1. <http://www.riv.ru/theme13054.html>.
2. Известия. 19.09.1999. Любопытно, что после мюнхенской речи В. Путина (март 2007 г.) этот образ стал особенно востребованным. Так, С. Марков, один из ведущих отечественных политологов, объясняет негативное освещение России в западной прессе сегодня, тем, что «Россия поднимается с колен» (См.: [10]). О том, как это артикулировалось в СССР, см.: [1, 107-109]. Например, одной из важнейших дискур-

сивных практик нормализации стало обвинение не только советской, но и русской культуры в асексуальности и противопоставление им «сексуального рая», Америки (см. подробнее: [24]).

3. Еще более резкие суждения по этому поводу см.: [9].

4. Заметим, что подобным образом в период 1990-х гг. воспринимались и другие бывшие социалистические страны; о феминизации Восточной Германии см., напр.: [20, 45-46].

5. См., например, Corriere Della Sera. 1.02.2002. <http://www.strana.ru/stories/01/11/14/2017/108315.html>.

6. Московские новости. 1997. № 49. С. 11.

7. Комсомольская правда. 1996. 18 сентября.

8. Напр.: «Образ России как вселенской великодушной страдальицы нас решительно не устраивает» (В. Авдеев). Цит. по: [23, 445].

9. Пол и революция. [http://limonka.nbp-info.ru/234/234\\_34\\_05.htm](http://limonka.nbp-info.ru/234/234_34_05.htm).

10. Вести-РТР. 13.09. 1999.

11. Хотелось бы обратить внимание на особую роль негативной идентичности в коллективном образе «Мы» современных россиян. Очевидно, смысл концепта «суверенной демократии» в значительной степени отражает то, что попытки предложить позитивные формулировки национальной идеи, по большому счету, пока не принесли своих результатов. Россия хочет быть сама собой, то есть не быть Америкой, Западом — именно этим ограничивается «русская идея» в стратегическом дискурсе национальной идентичности сегодняшнего российского общества — в отличие от ее, скажем, православного или коммунистического измерения. В связи с этим представляет интерес тот факт, что, согласно результатам опроса общественного мнения, проведенного в феврале 2007 г. Аналитическим центром Ю. Леванды, 71% россиян не считают себя европейцами, <http://www.newscom.ru/index.php?w=news&nid=2007022011>.

12. Постскриптум-ТВЦ. 26.03. 2006.

13. О роли оппозиции «богатырь — рыцарь» в создании канонов национальной маскулинности в России см.: [6].

14. Фактически та же мысль проводится в фильме А. Балабанова «Брат-2» (2000).

15. [www.nr2.ru/society/76240.html](http://www.nr2.ru/society/76240.html).



**Д.В. СЕРГЕЕВ**

## **СТРУКТУРА КУЛЬТУРНОГО СМЫСЛА И ЗАКОНЫ ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ**

*Ученые, исследовавшие смысл в разных научных областях, выявили его интерсубъективное полевое строение. В качестве основного ядра смысла выделяют значение и сему, которые определяют его общее понятное всем носителям культуры содержание. Структура смысла отражает его противоречивую природу, поскольку, будучи культурно предзаданным, он оставляет пространство для инновации. Это позволило Ж. Делезу сформулировать закономерности смысла в форме парадоксов.*

*The researchers analyzing sense in different sciences reveal its interpersonal field structure. The core of sense is formed by meaning and seme which determine common and understandable by every person of the same culture matter. The structure of sense reflects its contradictory nature*